

Корш Федор Евгеньевич

**По поводу второй статьи
профессора П.М. Мелиоранского
о турецких элементах в языке
"Слова о полку Игореве"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Евгеньевич К.**
По поводу второй статьи профессора П.М. Мелиоранского о турецких элементах в языке
"Слова о полку Игореве" / Корш Федор Евгеньевич – М.: Книга по Требованию, 2024. –
60 с.

ISBN 978-5-519-90548-0

ISBN 978-5-519-90548-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

такимъ сопоставленіямъ извѣстную долю доказательной силы, я прибѣгалъ почти только въ предѣлахъ семасіологии и думаю, что имѣлъ на это право, потому что, не говоря уже о равнодушіи семасіологии къ дѣленію народовъ по языкамъ, я имѣлъ дѣло съ переходомъ значеній не въ турецкихъ языкахъ, а въ одномъ изъ тѣхъ индо-европейскихъ, которые заимствовали изъ нихъ отдѣльныя слова, именно въ русскомъ. Есть у меня, правда, и фонетическія параллели между турецкими и другими языками, но такихъ сравненій я позволилъ себѣ очень немного, и то въ видѣ поясненій или второстепенныхъ подтвержденій. И едва-ли что можно возразить противъ сравненія звуковыхъ явленій въ языкахъ, не состоящихъ во взаимномъ родствѣ, если рѣчь идетъ о такихъ измѣненіяхъ звуковъ, которыя не составляютъ исключительной особенности даннаго отдѣла языковъ, сложившейся путемъ своеобразнаго фонетическаго развитія. Чтобы не выходить изъ области, близко знакомой моему уважаемому оппоненту, укажу лишь на предположеніе В. Томсена о произношеніи древне-енисейскаго (орхонскаго) *ḍ* вообще какъ *ṭ* (=англ. *th* въ *the*), а послѣ *p*, *l* и *n*, гдѣ вмѣсто *ḍ* въ этомъ письмѣ употреблялось *m*, — за обыкновенное *ḍ*, при чемъ этотъ замѣчательный лингвистъ ссылается на переходъ *ṭ* въ *ḍ* при тѣхъ-же условіяхъ въ языкахъ скандинавскихъ, въ новогреческомъ и др. (*Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées par Vilh. Thomsen* стр. 190)¹⁾.

1) Проф. Меліоранскій въ своемъ основательномъ изслѣдованіи «Памятникъ Кюль-тегина» (Зап. Вост. отд. И. Р. Арх. О., т. XII, вып. II и III и отдѣльно) выставилъ противъ такой гипотезы цѣлый рядъ возраженій, изъ которыхъ самъ считаетъ особенно важнымъ указаніе на «то обстоятельство, что ни въ турецкой письменности, ни въ современныхъ діалектахъ нигдѣ нѣтъ слѣдовъ звука «ḍ» въ аффиксахъ, начинающихся на одинъ изъ зубныхъ» (стр. 53 примѣч. 3). Однако орхонскимъ написаніямъ *kūrtm*, *kltm* (по Томсену = *kōrdīm* «я видѣлъ», *kāldīm* «я пришелъ») соотвѣтствуютъ въ чувашскомъ языкѣ *кордым*, *kıldīm*, а написаніямъ тутдм (= тутдым «я схватилъ»), тḡда (= таḡда «на горѣ»), брмді(-м = бермăди-м я не далъ) — чувашскія *тытрым*, *туṽра*, *пармарым*, въ которыхъ приставочное *p* могло произойти только изъ звука, подобнаго *z*, т. е., по всей вѣроятности, изъ *ḍ*.

3) На половецкій языкъ я не клеветалъ. Правда, что предложенное проф. Меліоранскимъ объясненіе слова *шерешуры* изъ перс. *tīr i čarx* я вполне одобрилъ, какъ остроумную догадку; но, далеко не питая того презрѣнія къ фонетикѣ, какое мнѣ можетъ приписать читатель статьи г. Меліоранскаго, я постарался дополнить недосказанное имъ, предположивъ, что *tīr i čarx* было искажено какими-то Турками въ **čirīčār* или **čirīčir* и далѣе — въ **širīšir*. Половцевъ я при этомъ не называю, а въ южно-русскихъ степяхъ жили въ то время, кромѣ Половцевъ, Берендѣи, Торки, Черные Клобуки, Ковуи и, можетъ быть, еще другія турецкія племена. О пестротѣ турецкаго населенія южной Руси къ концу XIII в. свидѣлствуетъ и нашъ главный источникъ свѣдѣній о половецкомъ языкѣ, знаменитый *Codex Somanicus* 1303 года, турецкая часть котораго была разсмотрѣна съ фонетической стороны еще 20 слишкомъ

Этимъ подтверждается и Томсеново объясненіе особыхъ знаковъ для сочетаній *лд* и *нд*, на ряду съ которыми попадаютъ и *л+т* и *н+т*, какъ *кўнд* (*ŷ*)з и *кўнт* (*ŷ*)з (= *кўндуз* «днемъ») — чув. *кондур-ла*. Отсюда и колебаніе между *jirda* и *jрта* (= *жердä* «въ землѣ» — чув. *širdä*), такъ какъ ни *д* = *δ*, ни *т* не передавали точно звука чистаго *д* (но всегда *брді*, т. е. барды пошелъ, — чуть-ли не единственный въ орхонскомъ примѣръ прошедшаго времени на-ды послѣ твердаго *р*, при которомъ изображеніе звука *д* звѣкомъ для *т* казалось неудобнымъ, можетъ быть, потому, что *р* требуетъ большаго количества дрожаній кончика языка, чѣмъ *р*). Что въ Кутадгу-биликѣ *δ* не отлечено отъ *д*, еще ничего не значитъ: въ уйгурскомъ письмѣ и *т* не отличается отъ *д*. Путаница между *δ* и *з* въ рукописяхъ Рабгузи также ничего не доказываетъ: первоначальное *δ* въ нихъ путается и съ *ј*, которое въ этихъ случаяхъ произносили переписчики. Написанія *ایذتی* или *ایذتی* (= орхонское *іті* «послалъ», т. е. можетъ быть, *ыды* — ср. чув. *ядым* я послалъ) и *کیذتی* (одѣлъ) г. Меліоранскій считаетъ подлинными (I. с., стр. 55), и онъ, конечно, правъ; но, какъ-бы мы ни читали *δ* — за *δ*, *з* или *δ*, фонетически правильны они быть не могутъ: откуда *т* вмѣсто *д* послѣ звонкихъ? Здѣсь — если не старое преданіе, подобное орхонскому, что неправдоподобно, то — ореографическое или, пожалуй, грамматическое измышленіе: ср. *ایذتی* и ар. *اخذت* и т. п. А къ звуку *δ* ведутъ насъ и абак. *ызырбын* — караг. *ыдармын* «посылаю», абак. *кізербен* — караг. *кедермен* «одѣваю» и т. п. Допустимъ, что звукъ *δ* «ни въ одномъ изъ изслѣдованныхъ турецкихъ діалектовъ не встрѣчается» (стр. 56); но то-же, кажется, можно сказать и о нарѣчіяхъ новоперсидскихъ и французскихъ, однако и тамъ и здѣсь онъ, по видимому, существовалъ.

лѣтъ тому назадъ акад. В. В. Радловымъ (О языкѣ Кумановъ. Приложение къ XLVIII т. Записокъ Имп. Академіи Н. 1884). Довольно и того матеріала, который сопоставленъ этимъ неутомимымъ ученымъ, чтобы придти въ изумленіе отъ разнообразія элементовъ, объединенныхъ итальянскими и нѣмецкими составителями этого сборника подъ общимъ наименованіемъ команскаго языка: здѣсь находятся въ однихъ и тѣхъ-же словахъ или случаяхъ такія фонетическія противорѣчія, которыя трудно допустить въ одномъ языкѣ, напр. на ряду съ *öldi* и т. п. не только *tuschte* = тѹштї (съ открытымъ *i*), но и *tustu* = тѹштѹ, при *boldum* = болдум, *basladum* = башладум, *sechirdum* = сәкірдѹм, *yucladum* = jŷklädŷм, *angladum* = аңладум, *jyladum* = жыладум, *astum* = астум встрѣчается не только *unadim* = унадым, а и *tabuschtim* = табуштым, при *boluzurmen* = болушурмән есть *tabuschirmen* = табушырмән, при *könulic* (*justitia*) = көнүлік — *konulvkče* (*cum justitia*) = көнүлүк-чә, при *eu* = ев (по-османски) или еŷ — *sövding* = сөвдің (ср. азерб. сөвдүн), при *duzmanlar* = душманлар (по-осм.) — *tusmen* = тѹшмән (какъ у сѣверныхъ и восточныхъ Турокъ), при *katun* = катун (ср. кирг. катын) — *hatun* = хатун (средне-аз. и азерб.), при *yacsi* = jakшы (напр. по-алтайски) — *ohsassi* = охшашы (вост.-тур.), при *olturmak* = олтурмак (вост.-тур. и сѣв.-тур.) — *oymah* = оймах (азерб.), при *gil* = ғыл (по-казански) — *jil* или *yel* = жыл (обще-тур.), при *tav* = таŷ (сѣв. тур.) — *tag* = тағ (вост. и зап.-тур.), при *gala* = гала или ğала (по-азерб.) — *kalaа* = калā (кала у большинства Турокъ) и другіе признаки, едва-ли совмѣстимые въ одномъ языкѣ, какъ величинѣ дѣйствительной, а не отвлеченной, подобной «сартскому языку» или «алтайскому языку», т. е. на самомъ дѣлѣ различнымъ и отчасти даже не близкимъ между собою говорамъ, болѣе или менѣе объединившимся въ извѣстныя группы вслѣдствіе долгаго взаимнаго соприкосновенія. Нѣкоторыя изъ попадающихъ въ *Codex Comanicus* звуковыхъ противорѣчій должны, безспорно, пасть на счетъ несовершенства транскрипціи, хотя,

можетъ быть, она окажется нѣсколько болѣе разумною и послѣдовательною у отдѣльныхъ составителей и глоссаторовъ, когда будетъ обстоятельно разобранъ вопросъ о числѣ ихъ и о природномъ языкѣ каждаго, напр. который изъ нихъ говорилъ по-фриульски, по-генуэзски или по-венеціански, который по-верхненѣмецки или по-нижненѣмецки. Къ тому-же нѣкоторые изъ этихъ безыменныхъ купцевъ и миссіонеровъ были одарены на столько чувствительнымъ слухомъ, что различали напр. *e* отъ *ä*, какъ это видно изъ написаній въ родѣ *esac* = ешăк (азерб. ешшăк, изъ чего мы, топорно отмѣчая разницу сходныхъ гласныхъ, сдѣлали *ишакъ*). Но изъ перечисленныхъ выше противорѣчій можно объяснить неточностью или невыдержанностью правописанія, кажется, только *gil* — *yil* или *yel*, такъ какъ звуковое значеніе буквы *g* здѣсь подозрительно вслѣдствіе того обстоятельства, что въ этой рукописи она является на мѣстѣ обще-турецкаго *j*, по видимому, исключительно передъ *y* или *i*—черта, допускающая оправданіе со стороны физиологіи звуковъ, но извѣстная не у Турокъ, а у Монголовъ. И такъ уже одна фонетика словъ, содержащихся въ безхитростномъ *Codex Comanicus*, какъ будто указываетъ на то, что эти слова принадлежатъ разнымъ, двумъ или тремъ языкамъ; но, если не въ текстахъ рукописи, то въ ея вокабуляріяхъ можно уловить и кое-какія морфологическія различія. Для характеристики матеріала, содержащагося въ этомъ памятникѣ, поучительно сравнить его съ арабскимъ словаремъ кыпчацкаго языка, изданнымъ Гоутсма, такъ какъ этотъ языкъ по существу тождественъ съ команскимъ: описанный въ этомъ словарѣ языкъ значительно однообразнѣе того, который мы находимъ въ *Codex Comanicus*, а главные уклоненія отнесены авторомъ на счетъ туркменскаго. Но кто поручится за то, что *Codex Comanicus* даетъ намъ полное понятіе объ этнографической пестротѣ турецкаго населенія тогдашней южной Россіи? На этотъ вопросъ тѣмъ болѣе придется отвѣтить отрицательно, что ни Итальянцы, ни Нѣмцы не проникали на сѣверъ до русскихъ предѣловъ, а из-

вѣстные изъ нашихъ лѣтописей турецкіе народы жили въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ русскими княжествами и отчасти даже внутри ихъ. А если такъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что на Югѣ Россіи проживало и такое турецкое племя, которое, подобно нынѣшнимъ Ногайцамъ, Казакъ-киргизамъ, Шорцамъ, Сойотамъ и Карагасамъ, превращало *ч* въ *ш*, и высказать это предположеніе входило въ обязанность проф. Меліоранскаго, такъ какъ безъ такого объясненія можно заподозрѣть его самого въ приписаніи *ш* = *ч* Половцамъ, особенно теперь, когда изъ его словъ, содержащихъ въ себѣ это обвиненіе противъ меня, естественно заключить, что въ южной Россіи XII в. онъ не признаетъ Турокъ помимо Половцевъ. Эту обязанность онъ исполнилъ до нѣкоторой степени въ 4-ой книжкѣ X тома «Извѣстій» на стр. 134 по поводу слова *шатеръ*, заимствованнаго, какъ онъ говоритъ, «у «предка» современныхъ западныхъ діалектовъ, для которыхъ между прочимъ характеренъ переходъ *ч* || *ш*». Къ сожалѣнію, не добавлено, гдѣ существовалъ этотъ предокъ, и почему его потомки, которыхъ приходится разыскивать между Терекомъ и Енисеемъ, должны называться западными. Мимоходомъ можно замѣтить, что приведеннаго тамъ чадыръ никогда не было «въ аріо-персидскомъ языкѣ», такъ какъ чадыръ есть лишь турецкая передѣлка персидскаго чатр, которое въ свою очередь восходитъ къ «аріо-персидскому» *чаттра- (др.-инд. чаттра-) — индо-европ. *скед'-тро-).

4) Обвиненіе въ томъ, что я сближаю слова на основаніи лишь созвучій, вытекаетъ всецѣло изъ несогласія проф. Меліоранскаго съ моими семасіологическими доводами, которые могутъ быть ошибочны, но несомнѣнно существуютъ въ такой степени, что онъ счелъ нужнымъ опровергать ихъ также семасіологическими доводами на четырехъ страницахъ (69—73), пользуясь для этого, подобно мнѣ, не одними турецкими языками.

5) Упрекъ въ пренебреженіи къ фонетическимъ законамъ,

изъ которыхъ упомянуты «напримѣръ» (стр. 68) различіе въ судьбѣ согласныхъ начальныхъ, конечныхъ и срединныхъ («Anlaut, Auslaut, Inlaut», какъ поясняетъ проф. Меліоранскій) и звуковъ отдѣльныхъ и соединенныхъ съ другими звуками, я не могъ приурочить къ опредѣленнымъ примѣрамъ, такъ какъ указаніе «напр. на стр. 7, стр. 18—22 и др.» едва-ли достаточно для провѣрки. Впрочемъ изъ намека на стр. 74 можно, кажется, заключить, что проф. Меліоранскій допускаетъ переходъ иноязычнаго *n* въ турецкое *b* только въ началѣ словъ, а не въ срединѣ; но вѣдь такой законъ не былъ доселѣ извѣстенъ, а удалось-ли почтенному ученому установить его,—это вопросъ, который мы рассмотримъ ниже, перешедъ, вслѣдъ за авторомъ занимающей насъ статьи, отъ предварительныхъ общихъ замѣчаній къ разбору отдѣльныхъ словъ.

I.

Болванъ.

Это, по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ, даже не совсѣмъ приличное слово послужило главнымъ источникомъ недоразумѣній между проф. Меліоранскимъ и мною,—недоразумѣній, которыя, по мѣрѣ теченія нашей полемики, чуть-ли не осложняются все болѣе вслѣдствіе обоюднаго привлеченія различныхъ частныхъ къ главному вопросу. Мой уважаемый противникъ сталъ теперь, сколько я его понимаю, на слѣдующую точку зрѣнія: персидско-турецкое *pāhlāvān* означаетъ богатыря, т. е. человека, одареннаго силой, храбростью и даже мудростью, а болванъ есть названіе бранное; слѣдовательно: слово болванъ не можетъ происходить отъ слова *pāhlāvān* (стр. 69—73). Въ виду такого положенія дѣла я позволю себѣ напомнить свое первое объясненіе этого семасіологическаго перехода, которое и вызвало полемику со стороны проф. Меліоранскаго: богатырь—

изваяніе богатыря, и при томъ грубое, въ родѣ такъ называемой каменной бабы—человѣкъ, подобный такому изваянію. Восточный богатырь такъ и остался богатыремъ на Востокѣ, а его неискusstное изображеніе, понятное лишь его соплеменникамъ, стяжало себѣ среди Славянъ насмѣшки и омерзѣніе. Къ этому объясненію г. Меліоранскій прибавилъ, что причина такого враждебнаго отношенія нашихъ предковъ къ изваянію—и не только почтеннаго восточнаго богатыря, а ко всякому — заключалась въ религіозномъ предразсудкѣ противъ изображенія человѣческой фигуры (стр. 70), — и за такую прибавку мнѣ остается только поблагодарить своего ученаго оппонента. Но тѣмъ болѣе странными кажутся въ послѣдующемъ его усилія доказать, что «*pāhlāvān* палуан является наоборотъ» (т. е. не такъ, какъ болванъ) «человѣкомъ выдающагося физическаго и духовнаго развитія» (стр. 73), — словно я утверждалъ, будто богатыремъ у Турокъ считается заморышъ и кретинъ. Не менѣе странно и его заключительный вопросъ: «статочное ли дѣло, чтобы слово «баѣатур, баһадур, богатырь» получило на Востокѣ или у насъ въ древней Руси бранное значеніе или значеніе «идола, статуи»?»: значенія идола или статуи оно, конечно, не могло получить у Славянъ, если для того не было дано никакой ассоціаціи со стороны Турокъ, а помимо этого значенія оно не могло получить и браннаго значенія. Потому несостоятеленъ и выводъ г. Меліоранскаго, что, если такой переходъ значеній не совершился въ словѣ баѣатур, то онъ невозможенъ и для слова *pāhlāvān*, такъ какъ эти два слова — синонимы, и эта несостоятельность явствуетъ уже на дѣлѣ изъ того, что первое слово вездѣ, гдѣ оно сохранилось, употребляется исключительно въ смыслѣ сильнаго и храбраго (и у Мадыръ *bátor* смѣлый), а второе отчасти у самихъ Турокъ приняло значеніе акробата. Замѣтимъ мимоходомъ, что и у стариннаго персидско-турецкаго *pāhlāvān*-а необходимымъ признакомъ считается «выдающееся физическое развитіе», которое въ турецкомъ палуан-ѣ или балуан-ѣ называется между прочимъ способностью къ поглощенію нѣсколь-

кихъ барановъ въ одинъ присѣсть и къ благополучному перенесенію огромнаго количества плетей, а «выдающееся духовное развитіе» можно приписать такому витязю развѣ только въ противоположность русскому «болвану». Но дѣло вѣдь совсѣмъ не въ томъ, уменъ или глупъ турецкій богатырь: статуя-то его во всякомъ случаѣ безсмысленна. Къ тому-же въ томъ болванѣ, который собственно и подалъ поводъ къ нашему спору, — въ болванѣ Тмуроканскомъ, не отмѣчены ни безобразіе, ни безсмысленность; напротивъ: дивъ ему «велить послушати» о наступленіи Игоря. Предположеніе, высказанное мною лѣтъ 20 тому назадъ, — что баскаки возили съ собой ханское изображеніе, и что оно называлось болваномъ, правда, «ни на чемъ не основано» (стр. 71, примѣч. 1) кромѣ названія улицы Болвановки въ Замоскворѣчьи близъ Татарской и Ордынки, но еще менѣе имѣлъ-бы основанія тотъ выводъ, къ которому соблазняютъ читателя дальнѣйшія слова проф. Меліоранскаго, — будто-бы этого болвана я искалъ въ басмѣ, предметѣ, намъ неизвѣстномъ, который, если и представлялъ собою изображеніе хана, то во всякомъ случаѣ не со всѣми тремя измѣреніями, а лишь съ двумя, такъ какъ, судя по этимологіи, оно было или втиснуто или натиснуто, подобно рисунку или узору на ткани, почему теперь не только у Татаръ, но и у Арабовъ египетскихъ басмою называется набойка, ситецъ (что въ Сиріи шіт съ тур. чіт). Чтобы покончить съ семасіологическимъ споромъ о болванѣ, коснусь двухъ примѣчаній на стр. 72. Въ первомъ изъ нихъ проф. Меліоранскій разсуждаетъ о польскомъ словѣ jupak такъ, какъ если-бы оно было исконнымъ польскимъ; но и его употребленіе и старинное правописаніе *jopak* и *jónaszuc* и производное *jupakiegu* и отсутствіе прилагательнаго *junz* въ польскомъ языкѣ свидѣтельствуютъ о чуждомъ происхожденіи, т. е. о заимствованіи, время котораго можетъ быть отнесено, по видимому, къ 40-ымъ годамъ XV в., когда Поляки сошлись непосредственно съ Сербами и Болгарами. Второе примѣчаніе — «Изъ «арслана» вышелъ конечно и нашъ Русланъ (Ерусланъ)» — можетъ служить

хорошимъ примѣромъ къ словамъ г. Меліоранскаго на стр. 68: «Иное дѣло если вся теорія заимствованія строится, при несо-
впадающемъ значеніи словъ и при отсутствіи прямыхъ указа-
ній на заимствованіе, только на созвучіи словъ къ тому-же не-
полномъ, можетъ быть случайномъ»: изъ турецкаго арслан у
насъ получилось-бы нѣчто похожее на то, что произошло изъ
того-же слова у Мадяръ (ogroszlán), хотя, можетъ быть, съ *j* въ
началѣ (ср. ералашь изъ тур. аралаш «мѣсиво»), а содержаніе
сказки о Ерусланѣ заимствовано въ общихъ чертахъ изъ Шахъ-
нама, и Ерусланъ Лазаревичъ или, въ старой редакціи, Залазаре-
вичъ есть не кто иной, какъ пеглеванъ изъ пеглевановъ, самъ
«Рустам і Зал і зар». Къ этому результату не лингвистиче-
скаго, а историко-литературнаго изслѣдованія тюрколога мо-
жетъ добавить лишь предположеніе, что персидское сказаніе
прошло сначала черезъ киргизскую среду, а потомъ черезъ руки
татарскаго грамотѣя иного племени, который зналъ, что Кир-
гизы обращаютъ *л* послѣ *с* въ *т*, и потому счелъ своимъ дол-
гомъ возвратить, по его мнѣнію, имени героя первоначальный
видъ, какъ напр. польская фамилія Ostafiński, возникшая, вѣ-
роятно, среди тѣхъ Поляковъ, которые предлогъ *roz* произно-
сятъ безъ *r* (въ Anlaut), была, будто-бы, исправлена въ Roz-
tafiński.

Обратимся къ звуковой сторонѣ слова *болванъ* по отноше-
нію къ слову *pāhlāvān*. «Переходъ *pāhlāvān*'а въ **bāhlāvān*'а»,
есть не «не болѣе какъ нѣкоторая возможность» (стр. 74), а со-
вершенная невѣроятность: съ одной стороны турецкое *b* вмѣсто
иноязычнаго *n*, а съ другой иноязычныя *h* и *v* и вопіющее въ
древнемъ и безыскусственномъ урало-алтайскомъ языкѣ нару-
шеніе гармоніи звуковъ должны быть признаны явленіями несо-
вмѣстимыми. „Исчезновеніе слабоартикулируемаго и слабо слы-
шающагося звука «*h*»“ (тамъ-же) въ заимствованномъ словѣ объяс-
няется у Турокъ не упомянутыми свойствами этого звука,
который можетъ у нихъ и укрѣпиться, какъ въ каракиргизскомъ
köŭkör изъ персидскаго *goŭhār*, а просто тѣмъ, что этого

звука у нихъ не было. Такъ какъ не было у нихъ и *с*, *pāhlā-vān* или, можетъ быть, еще *paḥlavān* могло дать въ древнемъ турецкомъ языкѣ только **балууан* или *балабан*. И противъ первой изъ этихъ формъ г. Меліоранскій теперь, кажется, уже не спорить, а лишь старается, по крайней мѣрѣ, исключить ея стянутый видъ *балуан* хоть изъ киргизскаго языка, признавая въ немъ однако *пайда* и *байда*, *патса* и *батса* (стр. 70 примѣч. 2), но почему-то отказывается «допустить переходъ срединнаго «в» («в» *des Inlauts*) въ «б» въ общетурецкомъ языкѣ или въ одномъ изъ древнихъ діалектовъ» и отвергаетъ доказательность татарскихъ *алба* и *чалбар* изъ персидскихъ *hālwa* (ар.) и *šālvar*, потому что это слова новыя, а «русскія формы «халва» и «шаровары» и «шальвары» свидѣтельствуютъ о томъ, что въ болѣе древнихъ турецкихъ діалектахъ и въ этихъ словахъ перехода в || б не было» (стр. 74). Исторія слова шаровары неизвѣстна, и къ тому-же оно, по видимому, подверглось влиянію какой-то народной этимологіи, но кто-же повѣритъ тому, что Русскіе заимствовали свои халва и шальвары раньше, чѣмъ Татары свои алба и чалбар? Впрочемъ главное дѣло опять-таки не въ этомъ, а въ томъ, что шальвары попали къ намъ чуть-ли не прямо отъ Персіянъ (послѣ войны 1826 г.), а халва завезена Греками изъ Турціи (кажется около половины XIX в.), Турки же, т. е. Османцы, произносили *с* уже давно (чего я и не отрицалъ). Потому ни «*караван*» (форма мнѣ впрочемъ неизвѣстная), ни Ашикъ-паша съ его *хайван*, *айван* и т. п. словами (стр. 74—75), ни даже самъ диванъ (стр. 75 примѣч. 1) ничего не говорятъ въ пользу сохраненія формы *pāhlāvān* у всѣхъ Турокъ въ полной неприкосновенности. Вообще въ вопросѣ о *с* и *н* проф. Меліоранскій вынужденъ оперировать то съ османскимъ языкомъ, то съ киргизскимъ, т. е. держаться внѣ области общетурецкаго языка. Древность перваго или, точнѣе, западной (иначе: южной) турецкой вѣтви не подлежитъ сомнѣнію, но не менѣе несомнѣнна и самостоятельность этой вѣтви по отношенію къ звукамъ *с* и *н*, а второй въ